

Е.И.Кислова

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ПО ЛАТЫНИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РУССКИХ СЕМИНАРИЯХ XVIII В.

На материале архивных и опубликованных исторических источников рассматривается проблема преподавания латинского языка в русских семинариях XVIII в. Базируясь на учебных курсах Киево-Могилянской академии, восходивших, в свою очередь, к европейским моделям коллегий иезуитов, курсы преподавания латыни «великорусским» ученикам постепенно трансформировались в условиях послепетровской России. Мы рассмотрим типы учебных пособий, которые использовались в преподавании («разговоры», словари, упражнения, буквари и грамматики), и подробнее остановимся на том, как, судя по имеющимся данным, материал распределялся по ступеням обучения. Полученные данные показывают, что опора на грамматику и в целом грамматический принцип преподавания для семинарий даже в конце XVIII в. имели свою специфику, связанную с социальными особенностями обучения в семинариях: грамматический подход предполагал использование грамматики, однако их тексты в основном так же заучивались наизусть, как и другие образцовые тексты на латыни. Некоторый элемент грамматического анализа, судя по отчетам учителей, появляется в последней четверти XVIII — начале XIX в., однако не совсем понятно, мог ли он быть реализован в семинарских условиях или оставался исключительно в отчетах.

Ключевые слова: Россия в XVIII в., история образования, семинарии, история учебных пособий, преподавание иностранных языков, грамматики

Преподавание латыни в семинариях XVIII в. до сих пор остается малоисследованным процессом: хотя «засилье латыни» в семинариях этого периода является общим местом, мы крайне мало знаем о том, как именно преподавание латыни распространялось в семинарском образовании, какую роль она играла в среде духовенства [см. 1, 2]. В настоящей статье мы рассмотрим, как преподавалась латынь: какие пособия и грамматики использовались, как выглядел «грамматический аспект» преподавания языка и как, по имеющимся данным, на практике был реализован процесс обучения языку.

Специфика семинарского образования и сохранившихся архивных данных

В отличие от архивов светских учебных заведений [см. 3, 4], в архивах семинарий сохранилось крайне мало документов первой половины века, из которых можно извлечь информацию о деталях преподавания латыни ученикам. Отличительной чертой семинарского преподавания была его крайняя традиционность (письменно фиксировались скорее какие-то новшества: введение дополнительных предметов и языков, рекомендации церковных иерархов по использованию в преподавании конкретных книг и т.д.) В XVIII в. эта традиция опиралась на учебные модели Киево-Могилянской академии, а затем модифицировалась в результате различных указов и реформ.

В общих чертах порядок классов и их содержание были утверждены Духовным Регламентом в 1721 г. и до начала XIX в. этот документ оставался базовым руководством для духовного образования. В результате в указах Св. Синода официально утверждалось, например, назначение учителей по классам, но само содержание классов и материалы занятий редко требовали письменных директив, так как были практически «безвариантными». Регулярные (раз в месяц или несколько месяцев) письменные отчеты учителей о пройденном материале стали появляться только после указа Синода 1785 г. о введении в семинариях нового способа преподавания по образцу народных училищ: с этого момента учителя обязаны были ежемесячно сообщать ректору о деталях учебного процесса, тот отчитывался перед митрополитом, а в конце года составлялся общий отчет [5, с. 78]. Однако такие «репорты» тоже плохо сохранились и, например, в материалах Московской академии представлены сейчас выборочными документами за разные месяцы разных лет из разных классов, попавшими в разные подшивки дел за разные годы, поэтому само их выявление крайне затруднено. Мы можем опереться также на отдельные инструкции и описания хода учения других семинарий (например, Новгородской), но и это в основном документы рубежа XVIII—XIX вв.

Специфика семинарского образования заключалась также в том, что основной задачей начальных и средних классов семинарии было обучение латыни, которая уже в классах поэтики и риторики становилась основным языком обучения.

Из отчетов учителей последней четверти XVIII в. мы узнаем, что практически повсеместно в начальных классах латынь преподавалась 5 дней в неделю до и после обеда, и один день был посвящен выучиванию краткого катехизиса и арифметике. Начальные классы семинарии назывались по ступеням овладения латинским языком. Их количество и названия (инфима, фара, аналогия, информатория) могли варьироваться, внутри классов могли вычленяться разные ступени или «возрасты» [1], однако сама схема обучения была стандартной и практически не менялась от семинарии к семинарии: в начальных классах ученики учились писать на русском и латыни (в последней четверти века — отдельно русскому и латинскому чистописанию по прописям) и начинали осваивать грамматику латинского языка (в конце века — также русского языка).

Распределение конкретных этапов обучения по классам могло незначительно меняться. Так, во Владимирской семинарии во второй половине века в информатории обучали чтению и чистописанию на латыни и русском, изучали начальные правила грамматики, читали малый катехизис и заучивали «латинские вокабулы» — наиболее употребительные слова [6, с. 105]. В Новгородской семинарии в 1802 г. в информатории преподавали «чистописание латинское и российское, правописание российское и сколько можно латинское, начальные основания латинской грамматики» [7, л. 91]. В Тверской семинарии в 1802 г. начальным был класс чистописания (русского и латинского), а грамматику начинали изучать в информатории [8, с. 246-249]. Митрополит Платон (Левшин) указывал, что в информатории «ученики обучаться должны не чему иному, как единственно читать и писать по-латыни и первым склонениям и сопряжениям грамматических правил» [9, л. 214].

Иногда отцы начинали обучать сыновей латыни еще до отправки в семинарию. Самым ранним таким примером, известным нам, является прошение 1750 г., поданное известным проповедником Стефаном Левицким [10]; в 1780—90-х гг. такие сообщения встречаются чаще [11, л. 465; 12, л. 207 и др.]. Этому процессу способствовало несколько факторов. Во-первых, становилось все больше отцов-священников, получивших образование в семинариях и владевших латынью на нужном уровне. Во-вторых, учебные пособия и грамматики печатаются все активнее и становятся все доступнее. В-третьих, количество студентов в начальных классах семинарий в это время было слишком велико для эффективного преподавания основ языка, а условия обучения были достаточно суровыми. В прошении протоиерея Василия Прокопиева прямо сказано, что «в нижших оных [Московской — Е.К.] академии классах находится едва вместимое число учеников», поэтому он просил разрешения обучать латыни своих сыновей до 13 лет дома — и в 1790 г. они были зачислены сразу в высший синтаксический класс, миновав низшие ступени обучения в академии [13, л. 283].

Основным методом обучения в семинарии было заучивание наизусть большого комплекса текстов (что находило параллель в традиционном методе обучения грамоте — [см. 14]: так преподавались не только языки, но и катехизис, арифметика и т.д. Начиная с грамматических классов, ученики читали, переводили и заучивали наизусть произведения «классических авторов» (Горація, Цицерона, Саллюстия, Юлия Цезаря и т.д.), постепенно появлялись элементы поэтического и риторического анализа, начиналось создание собственных текстов по образцам и с использованием элементов образцовых произведений.

Учебные пособия и их использование в преподавании латыни

Типы пособий, которые использовались в преподавании латыни, были практически неизменными¹: кроме грамматик (см. далее), семинаристы заучивали разнообразные «школьные разговоры» (“*Colloquia Scholastica*” М.Кордерия, “*Colloquies*” Эразма Роттердамского, “*Dialogorum sacrorum libri quatuor*” С.Кастеллио и др.). В ходу были их рукописные копии и созданные по их образцу подражания (см., например, сборник Костромской семинарии) [15, л. 153-160 об.]. Такие «разговоры» содержали основные фразы для типовых коммуникативных ситуаций и позволяли ученикам довольно быстро переходить в общении с учителем и между собой на латынь.

Как материал для расширения словарного запаса учеников использовались латинские части любых словарей и лексиконов (бывших по традиции этого периода многоязычными) [см. 16, с. 64]. Например, один экземпляр «Лексикона трехязычного» 1704 г. Федора Поликарпова до начала XIX в. переходил от одних учеников Славяно-греко-латинской академии к другим [17, с. 165-168]; несколько экземпляров принадлежали библиотекам Вифанской и Троицкой семинарий [17, с. 169-171]. В первой половине века в семинариях был популярен польско-латинский словарь Кнапского [18, с. 62], самое позднее в нашем комплексе документов упоминание его в качестве учебного пособия — отчет Василия Протопопова, учителя Московской академии, за ноябрь 1787 г. [11, л. 566]. С середины века чаще всего упоминаются «Целлариев лексикон» (Христофа Целлария «Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом...», вышедший 4 изданиями в 1747—1795 гг.) и «Книга видимый свет» Я.А.Коменского (по сути, списки слов, сгруппированные по темам: «Иоанна Амоса Комения Видимый свет на латинском, российском, немецком, италийском и французском языках представлен, или Краткое введение, которым изъясняется, что обучающемуся юношеству легким способом не только языку, разумным упражнением, но также и вещи достойныя знания самонужнейшия должны быть вперены: Изю ста пятидесяти одной главы состоящее, из которых каждая вместо надписи и содержания из Священнаго Писания взятым свидетельством означена, и с реестром самых нужнейших российских слов, которой вместо лексикона для употребления российскаго юношества служить имеет, место на пяти языках дополнить может, изданное», М., 1768; второе издание под названием «Видимый мир» (М., 1788). Использовались также латинские части словарей Гельтергофа: «Российский Лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом...» (М., 1778) и «Сокращенный четырехязычной Словарь, а именно на немецком, латинском, французском и российском языках, в пользу юношества этимологического класса» (М., 1776).

Судя по отчетам учителей Московской академии и Калужской семинарии, в 1780-х гг. в среднем в течение месяца ученики должны были выучивать наизусть несколько глав «разговоров», по 4—6 глав «Видимого света», около 200 «вокабулов» из «Целлариева лексикона», а также выполнять и заучивать от 10 до

¹ Мы основываемся на данных второй половины века, так как их существенно больше, но фрагментарные данные первой половины века позволяют предположить, что типы пособий и принципы их использования менялись мало.

30 «задач» на перевод; в Рязанской семинарии во 2 половине века задавалось по 6-10 слов на ночь и по 4 на послеобеденные часы, «так, чтобы ни единого слова в грамматике не осталось нужного к знанию, которое б по-русски и по-латыни не сказано было от ученика» [19, с. 114-115].

В отчетах последней четверти XVIII в. также упоминаются упражнения («экзерции» или «задачи»): учитель задавал их ученикам для перевода, проверял дома и исправлял в классе, объясняя ошибки «по форме грамматико-этимологической резолюции», после чего они также заучивались наизусть (правда, не очень понятно, насколько подобные задачи были обязательны для всех и какого объема они были: в начальных классах семинарий числилось нередко около 100—120 учеников) [19, с. 99; 20, с. 181].

Была ли такая методика распространена в первой половине века, точно сказать нельзя, так как нет детальных отчетов учителей. Сохранившиеся примеры «окупаций домашних и эксерцией школьных» — это небольшие параллельные тексты на латыни и русском, которые составлялись учителем для учеников классов грамматики и синтаксиса Московской академии в 1714—1716 [21] и 1729 гг. [22]. Если даже переводы изначально были сделаны учениками, а не самим учителем, в сохранившихся сборниках они явно уже переписаны «набело», практически без помарок и исправлений. Можно предположить, что они также были предназначены для заучивания наизусть. Никакого грамматического комментария или разбора в современном понимании они не содержат.

Буквари и грамматики латыни

В первой половине века семинарские пособия были часто рукописными: печатные книги были дороги, поэтому учителя копировали нужные пособия, модифицируя их в соответствии со своими целями [о рукописных пособиях по риторике и поэтике см. 22; по богословию, см. 23]. С 1767 г. в результате деятельности Комиссии народных училищ стали распространяться унифицированные печатные руководства по всем предметам [19, с. 133]. Но важно отметить, что буквари и грамматики латыни — в противоположность риторикам и поэтикам — с самого начала были преимущественно печатными.

В документах первой половины XVIII в. регулярно сообщается, что ученики начинают изучение латыни с «элементарей» — это “*Elementa puerilis institutionis in lingua latina*” [19, с. 12, 14]. В начале века эти пособия привозили из-за границы или покупали у иностранцев, но в результате активной организации семинарий, ориентированных на преподавание латыни [24, с. 376-377], с 1720-х гг. растет потребность в учебных пособиях. Поэтому в 1724 и 1739 гг. Московская типография выпустила русское издание с заголовком «Начала писмен детям к наставлению на латинском языке» (1 200 и 6 000 экземпляров соответственно) [25, с. 255-256].

«Элементарии» еще во второй половине века могли использоваться в классах фарты или аналогии [12, с. 114], но параллельно появлялись буквари и «алфавиты», опубликованные в России, например, «Букварь славянскими, греческими, римскими писменами учитися хотящим...» Федора Поликарпова (Москва, 1701 — тираж 2 400 экземпляров) [25, с. 297-299]. В середине века издавались отдельные латинские «алфавиты», например, предназначенный для латинских классов университетской гимназии “*ABCdarium latinum...*” (Москва, Типография Московского университета, 1757). Явно для семинарий в 1788 г. была опубликована «Новая латинская азбука» Евгения Болховитинова, в которой содержалась вся программа обучения для начального уровня: правила произношения, «первоначальные латинские речения и образ их грамматических перемен», наиболее употребительные в латыни греческие слова, «краткие учтивые разговоры и выражения» и даже «подробный и ясный римский календарь».

Затем семинаристы приступали к изучению грамматики латыни. До последней четверти XVIII в. основным пособием был «Альвар» — “*De Institutione Grammatica Libri Tres*” Эммануэля Альвара. Его покупали еще для школ братьев Лихудов: в 1687 г. у «гречанина... Анастаса Иванова сына Мухова» были приобретены «пять грамматик латинских Еммануиловых» [26, с. 48], но даже в конце века «альвар» мог использоваться как основное пособие (во Владимирской семинарии в 1780-х гг.) [6, с. 104-105] или как дополнительное (в Московской академии «просодия альварова» последний раз упоминается как дополнение к грамматике Лебедева в январе 1786 г.) [9, л. 60]. Интересно при этом, что грамматики Альвара в России не переиздавались, все доступные экземпляры были иностранной печати [27, с. 24]: очевидно, в первой половине века учеников «продвинутого уровня» было существенно меньше, чем начального, учившихся по «элементарям», поэтому им хватало заграничных «альваров».

Именно с покупки «элементарей» и «альваров» обычно начинается организация семинарий: в 1739 г. ученикам Тверской семинарии был роздано 17 и продано 129 «латинских альваров» [8, с. 50, 53]; в 1741 г. для Рязанской семинарии в Москве было куплено 100 элементарей и 20 альваров [19, с. 33]; в 1763 г., вскоре после открытия Суздальской семинарии, в ее библиотеке было 104 альвара и 25 элементарей (а также один экземпляр «Грамматики латинской Герасима Шмидта»), в 1770 г. — уже 106 альваров и 116 элементарей (а также 89 каких-то латинских азбук) [28, с. 110].

Во многих случаях невозможно точно установить использовавшиеся издания, т.к. в документах семинарий учебные пособия нередко обозначаются как «азбука латинская», «грамматика латинская», «малая грамматика», «малый лексиконец» и т.д. [29, л. 239]. Однако в тех случаях, когда упоминаются фамилии и какие-то выходные данные, становится очевидно, что с середины века российские издания латинских грамматик употребляются все шире: в документах отмечаются «Краткая латинская грамматика, сочиненная

г. Целларием, исправленная и умноженная г. Геснером» в переводе А.Барсова (М., 1762, 1771, 1789), «Синтаксис латинской...» Х.Ф.Маттея (М., 1780), «Латинская грамматика» Н.Н.Бантыш-Каменского и др. Видимо, выбор зависел от предпочтений церковного иерарха, в ведении которого находилась семинария: так, митрополит Димитрий (Сеченов) (1752—1757) вернул «альвара» в качестве дополнения к грамматике Лебедева, а архиепископ Симон (Лагов) (1778—1804) заменил последнюю на грамматику Бантыш-Каменского [19, с. 114].

Классическим пособием, постепенно потеснившим «альвара», стала «Краткая грамматика латинская» В.Лебедева. Издание 1779 г. было напечатано в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук за счет Синода в количестве 3 600 экземпляров и направлено для распространения в семинарии «сколко куда надобно будет требованы» [30, л. 289]. Эти книги действительно активно использовались учениками, о чем свидетельствуют сообщения из семинарских библиотек об их потерях «от долговременного и всегдашнего употребления» [30, л. 346].

Использование грамматик в преподавании латыни

Как именно использовалась грамматика Лебедева, мы узнаем из «репортов» учителей последней четверти XVIII в. (хотя они описывают процесс обучения стереотипными и почти одинаковыми фразами, поэтому мы должны учитывать возможность существенного отличия реальности от ее представления в документах): учитель устно «толковал» грамматику, дополняя ее текст устными примерами и заданиями, давал устные задания на склонения и спряжения, задавал на дом задачи, которые проверял сперва дома, а потом объяснял в классе «по форме грамматико-этимологической резолюции». Пройденный фрагмент грамматики заучивался наизусть.

Этап изучения конкретного раздела грамматики или синтаксиса не был жестко определен программой или классом, однако традиционность общего порядка несомненна, т.к. в разных семинариях в разные периоды века мы находим примерно одинаковый порядок.

В начальных классах начинали учиться писать по-латыни и осваивали начала грамматики, проходили морфологию («этимологию») и постепенно переходили к синтаксису («сочинению слов»), далее продолжали изучать синтаксический раздел и начинали «просодию» — учили базовые правила латинского стихосложения, что становилось подготовкой к классам поэтики и риторики².

Самый ранний детальный отчет по начальным классам семинарий принадлежит Новгородской семинарии 1804 г. Здесь информатория была разделена на 3 возраста, которые при этом учились вместе у одного учителя. «Первый возраст» изучал латинское и российское чистописание и правописание и начальные правила грамматики российской и латинской; «второй возраст» учил склонения и спряжения; «третий возраст» совпадает по содержанию с классом высшей информатории Московской академии: ученики должны были пройти целиком латинскую морфологию и основные правила синтаксиса [7, л. 95 об.]

При этом один и тот же грамматический материал учителя могли проходить раз за разом, постепенно вводя новый объем дополнительного материала. Так, в Московской академии в информатории мы находим почти исключительно изучение грамматики Лебедева и устные и письменные задачи по пройденному материалу. В низшем грамматическом классе к Лебедеву добавляются «краткие нужнейшие разговоры», а также заучивание лексики из «Целлариева лексикона» и «Видимого света». В высшем классе параллельно с грамматикой Лебедева изучают просодию — в том числе по грамматике Альвара — и переводят с латыни литературные тексты (басни Федра, письма Цицерона, “De imitatione Christi” Фомы Кемпийского и т.д.).

В Новгородской семинарии 1802 г. ученики примерно этого уровня уже должны были «знать части речи склонения и спряжения, общую конструкцию по временам и падежам» по той же грамматике Лебедева [7, л. 91], в следующем — низшем грамматическом классе — начинали читать басни Федра и «Корнелия Непота», а в высшем проходили Юлия Цезаря и письма Цицерона [7, л. 90].

В Тверской семинарии в том же 1802 г. в информатории изучали орфографию и «этимологию, особливо о частях речи» по грамматике Лебедева, разбирали «Видимый свет» Коменского и учили слова из неназванного словаря; в низшем грамматическом классе продолжали проходить орфографию и этимологию, но уже с использованием дополнительной «большой грамматики», учили латинские слова и разговоры Кордерия, делали переводы. В высшем классе повторяли грамматику Лебедева, учили латинскую просодию и синтаксис, разбирали и учили «разговоры домашние и Еразмовы», делали переводы [8, с. 247-249].

В результате такого подхода в одном и том же классе можно было учить учеников разного уровня, если, например, не хватало учителей и помещений, что регулярно случалось в провинциальных семинариях [29, с. 38]. В Звенигородской семинарии в октябре 1785 г. ученики низшего и высшего грамматических классов вместе слушали объяснения правил «из этимологии до четвертого склонения», но ученики высшего класса дополнительно изучали «38 правил из большой грамматики» [29, л. 407-407 об.]. Таким же образом проходило обучение в Калужской семинарии в 1784 г.: в январе, феврале и марте в высшем классе «толкованы были правила синтаксические с прибавлениями начав от начала до конца», а ученики грамматического класса

² Однако учителя могли отступать от этого порядка: так, в сентябре 1786 г. низший грамматический класс в Московской академии вел Григорий Терновский, который давал по грамматике Лебедева параллельно материал из морфологии («начала грамматики до третьего склонения») и синтаксиса («с начала синтаксиса до сочинения глаголов») [9, л. 355].

«слушали те же самые правила и в уроках учили також и задачи переводили, но толко простейшими глаголами назначаемья» [31, л. 129-129 об.].

В дополнение к грамматике Лебедева могли использоваться другие грамматики по выбору учителя: так, Василий Протопопов пользовался некой «малой грамматикой» (видимо, речь идет о грамматике Геснера, которая была примерно в 2 раза тоньше грамматики Лебедева); в Новгородской семинарии на рубеже веков использовалась грамматика Бантыш-Каменского [7, л. 90 об.], в Тверской и Звенигородской семинариях — некая «большая грамматика» (это могли быть грамматика Альвара или Бантыш-Каменского) и “*Syntaxis ornata seu de tribus Latinae linguae virtutibus*” [8, с. 249].

Судя по сохранившимся отчетам Московской академии, начало изучения грамматики не всегда попадало на начало учебного года: так, в информатории в сентябре 1785 г. Савин Соловьев проходил с учениками грамматику «с третьего склонения до спряжения перифрастического» [30, л. 370]. Если конец грамматики приходился на середину года, учитель мог начать проходить ее заново: так, в январе 1788 г. учитель информатории Лаврентий Мальцев, завершив изучение предлогов, союзов и междометий, не перешел к синтаксису — разделу «О сочинении слов», а вернулся к самому первому разделу — «о разделении грамматики, о литерях, слогах, речах, знаках, этимологии» [12, л. 205]. В октябре и ноябре 1787 г. учитель низшего грамматического класса Василий Протопопов читал синтаксис по грамматике Лебедева и дошел до «сочинения причастий» [11, л. 534, 566], он же вновь начал раздел синтаксиса по грамматике Лебедева в мае 1788 г. («от начала синтаксиса до дательного с глаголом») [13, л. 371], в ноябре 1788 г. он грамматику Лебедева закончил [12, л. 478], а в январе 1789 г. он же учил в том же классе «с начала синтаксиса до сочинения именительного падежа с глаголом» [32, л. 227]. Неудивительно, что в отчете Новгородской семинарии за 1804 г. значится, что в высшем латинском классе «объяснен и выучен три раза синтаксис латинской по Лебедевой грамматике с дополнением из Бантышкаменской, также и вышший синтаксис *syntaxis*» (вероятно, также *Syntaxis ornata seu de tribus Latinae linguae virtutibus*) [7, л. 94 об.].

Такой подход кажется сейчас странным, но он тоже был обусловлен спецификой устройства семинарского обучения. Ученики поступали в семинарию в течение всего года, поэтому часть проходила курс грамматики в первый раз, но существенная часть училась второй или третий год. Так как семинарское образование было обязательным для детей целого сословия, ученики могли проводить в одном и том же классе несколько лет, проходя его раз за разом — нередко в ожидании достижения «совершенного возраста», который позволял претендовать на духовное звание [19, с. 29]. При чтении грамматики «по кругу» все присутствовавшие в классе так или иначе за пару лет прослушивали весь материал, пусть и не всегда в нужном порядке.

При этом хорошо успевающие ученики могли переходить в следующий класс через полгода или даже через несколько месяцев после начала учебы [20, с. 181; 19, с. 130]; в Новгородской семинарии инструкция учителю информатории прямо говорила о необходимости «успевших <...> не медля представлять к переводу» [7, л. 146]. В списках Тверской семинарии 1787 г. отмечены ученики, прошедшие 3 класса за два года и 2 класса за один год [8, с. 62]. Хотя эти примеры были явным исключением и в основном рекомендация к переходу или повторному прохождению класса следовала после экзамена в конце учебного года; кроме того, если успевающий ученик слишком быстро достигал класса риторики, который позволял выходить из семинарии на церковные позиции, рекомендовалось его задерживать, оставляя в классе на следующий год [12, л. 402].

Остается ответить на вопрос, каким именно образом выглядело использование грамматик в преподавании латыни. В документах Новгородской семинарии за 1802 г. мы находим детальное описание метода обучения в грамматических классах — можно предположить, что он был распространен по крайней мере в последней четверти XVIII в.: «учитель заставляет одного из учеников читать период ясно и раздельно и искать смысл грамматической, делая вопросы на латинском языке. 2. по делании смысла спрашивает значения слов, кои ученики должны предварительно выучить на память. 3. потом велит перевести весь период близко к словам (в нижнем классе делают сие обыкновенно на доске <...>). 4. переведа главу, заставляет других учеников ее повторить, требуя, чтоб они — особливо в вышшем классе — повторяли не слово в слово, но сами, сколько могут, переменяя конструкторию и слова, не отступая от авторскаго смысла. 6. учитель объясняет ученикам силу слова и разныя их значения, не пропускает ничего, что может способствовать ко вкусу в языке, и раскрывает историческия или нравственныя предметы, в авторе встречающияся, после чего спрашивает от учеников в сем отчета; когда в вышшем классе ученики довольно успеют, учитель оставляет лишние подробности сего способа» [7, л. 90 об.]. Однако сложно представить себе, как на практике реализовывался этот метод, если принимать во внимание обычное количество учеников в начальных классах семинарий.

Выводы

Использование пособий по латыни в целом вписывается в общую парадигму семинарского преподавания, ориентированного в первую очередь на заучивание больших объемов текста. Несмотря на обязательное наличие грамматик латыни в преподавании этого языка, нельзя соотнести сами принципы их использования с современными: учащиеся должны были выучить грамматику наизусть и продолжали читать и «толковать» ее раз за разом, год за годом. Грамматический анализ текста декларируется в отчетах учителей, однако до самого конца века мы не находим подтверждения его активного применения в учебном процессе.

Однако парадоксальным образом владение латынью в среде семинаристов, дошедших до высших классов, было очень высоким. Видимо, этот эффект возникал не за счет глубокого понимания грамматических правил и законов, а за счет выучивания огромного объема образцовых текстов на латыни, что впоследствии позволяло создавать собственные тексты на иностранном языке практически как на родном. Поэтому в обучении часто оказывались важны не лингвистические и педагогические достоинства конкретного учебного пособия, а его насыщенность лексическим материалом и грамматическими конструкциями. Тем не менее в течение XVIII в. мы наблюдаем существенное распространение словарей и грамматик латыни, изданных в России и имевших параллельную русскую часть, что в целом способствовало повышению внимания к русскому языку в семинариях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ФДНЧ, в рамках научного проекта № 20-513-22001.

1. Kislova E.I. "Latin" and "Slavonic" Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century // *Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 72-91.
2. Kislova E.I. Latin as the language of the orthodox clergy in eighteenth-century Russia // *Language Choice in Enlightenment Europe*. Amsterdam, 2018. P. 191-224.
3. Rjéoutski V. Latin in the education of nobility in Russia // *Language Choice in Enlightenment Europe*. Amsterdam University Press, 2018. P. 169-190.
4. Костина Т.В. Грамматические учебники в Гимназии Петербургской академии наук: прагматика выбора и создания // *Ученые записки НовГУ*. 2020. № 5(30). (В печати).
5. Чистович И. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. 462 с.
6. Надеждин К. История Владимирской духовной семинарии (с 1750 года по 1840 год). Владимир, 1875. 182 с.
7. РНБ (Российская национальная библиотека). Ф. 522. Д. 209.
8. Колосов В. История Тверской духовной семинарии. Ко дню 150-летнего юбилея семинарии. Тверь, 1889. 464 с.
9. РГБ (Российская государственная библиотека). Ф. 277. Д. 13.
10. РГБ. Ф. 277. Д. 2.
11. РГБ. Ф. 277. Д. 10.
12. РГБ. Ф. 277. Д. 14.
13. РГБ. Ф. 277. Д. 15.
14. Кислова Е.И. «Грамматическое учение» и модели церковного образования 1720-х гг. // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 2. С. 475-491.
15. РГБ. Ф. 138. Д. 250.
16. История русской лексикографии. СПб., 2001. 610 с.
17. Рамазанова Д.Н. «Лексикон трехязычный» Федора Поликарпова в собрании Музея книги Российской государственной библиотеки // *Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников*. М., 2009. С. 156-176.
18. Николаев С.Н. Словарь Григория Кнапского в России (Библиографические разыскания) // Николаев С.Н. От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII — первой трети XIX в. СПб., 2004. С. 59-74.
19. Агнцев Д. История Рязанской духовной семинарии. 1724—1840 г. Рязань, 1889. 429 с.
20. Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. 428, IV с.
21. РНБ. Ф. 577. ед.хр. 77.
22. РНБ. Ф. 577. ед.хр. 78.
23. Lewin P. Wykłady poetiky w uchełniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. 192 с.
24. Титлинов Б.В. Правительство Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви. Вильна, 1905. 466 с.
25. Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. 1253 с.
26. Рамазанова Д.Н. Рукописная и печатная книга в учебной практике Славяно-греко-латинской Академии в конце XVII века // «В России надо жить по книге». Начальное обучение чтению и письму: становление учебной книги в XVI—XIX вв. М., 2015. С. 42-52.
27. Григорьева И.Л., Салоников Н.В. Учебная литература из фонда рукописей библиотеки Новгородской духовной семинарии // *Вестник НовГУ*. 2006. № 36. С. 23-27.
28. Малицкий Н. В. История Суздальской духовной семинарии (1723—1788 гг.). Владимир, 1905. 221 с.
29. Никольский П. История Воронежской семинарии. Часть первая. Воронеж, 1898. 238 с.
30. РГБ. Ф. 277. Д. 12.
31. РГБ. Ф. 277. Д. 11.
32. РГБ. Ф. 277. Д. 17.

References

1. Kislova E. I. "Latin" and "Slavonic" Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century. *Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 72-91.
2. Kislova E.I. Latin as the language of the orthodox clergy in eighteenth-century Russia. *Language Choice in Enlightenment Europe*. Amsterdam, 2018, pp. 191-224.
3. Rjéoutski V. Latin in the education of nobility in Russia. *Language Choice in Enlightenment Europe*. Amsterdam, 2018, pp. 169-190.
4. Kostina T.V. Grammaticheskie uchebniki v Gimnazii Peterburgskoj akademii nauk: pragmatika vybora i sozdaniya [Grammar textbooks at the Gymnasium of the St. Petersburg Academy of Sciences: the pragmatics of choice and creation]. *Memoirs of NovSU*, 2020, no. 5(30) (Printing).
5. Chistovich I. *Istoriya Sankt-Peterburgskoj dukhovnoj akademii* [History of Saint-Petersburg Ecclesiastical Academy]. Saint Petersburg, 1857. 462 p.
6. Nadezhdin K. *Istoriya Vladimirskoy dukhovnoy seminarii (S 1750 goda po 1840 god)* [History of Vladimir Ecclesiastical Seminary (1750—1840)]. Vladimir, 1875. 182 p.
7. RNB (National Library of Russia). F. 522. D. 209.

8. Kolosov V. Istoriya Tverskoy dukhovnoy seminarii. Ko dnyu 150-letnego yubileya seminarii [History of the Tver Theological Seminary]. Tver', 1889. 464 p.
9. RGB (Russian State Library). F. 277. D. 13.
10. RGB. F. 277. D. 2.
11. RGB. F. 277. D. 10.
12. RGB. F. 277. D. 14.
13. RGB. F. 277. D. 15.
14. Kislova E.I. "Grammaticheskoe uchenie" i modeli tserkovnogo obrazovaniya 1720-kh gg. ["Grammar Teaching" and Models of Church Education in the 1720s]. Quaestio Rossica, 2019, vol. 7, no. 2, pp. 475-491.
15. RGB. F. 138. D. 250.
16. Istoriya russkoy leksikografii [History of Russian lexicography]. Saint Petersburg, 2001. 610 p.
17. Ramazanova D.N. "Leksikon treyazychnyy" Fedora Polikarpova v sobranii Muzeya knigi Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [Fedora Polikarpov's "Lexicon of Three Languages" in the Collection of Russian State Library Museum of Book]. Vivliofika: Istoriya knigi i izucheniye knizhnykh pamyatnikov. Moscow, 2009, pp. 156-176.
18. Nikolaev S.N. Slovar' Grigoriya Knapskogo v Rossii (Bibliograficheskie razyskaniya) [Grigory Knapsky's Dictionary in Russia (Bibliographical Researches)]. Nikolaev S.N. Ot Kokhanovskogo do Mitskevicha: Razyskaniya po istorii pol'sko-russkikh literaturnykh svyazey XVII — pervoy treti XIX v. Saint Petersburg, 2004, pp. 59-74.
19. Agntsev D. Istoriya Ryazanskoy dukhovnoy seminarii. 1724—1840 g. [History of Ryazan Ecclesiastical Seminary. 1724—1840]. Ryazan', 1889. 429 p.
20. Smirnov S. Istoriya Moskovskoy Slavyano-greko-latinskoy akademii [History of Moscow Slavonic-Greek-Latin academy]. Moscow, 1855. 428, IV p.
21. RNB. F. 577. D. 77.
22. RNB. F. 577. D. 78.
23. Lewin P. Wykłady poetyki w uchełniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. 192 c.
24. Titlinov B.V. Pravitel'stvo Anny Ioannovny v ego otnosheniyyakh k delam pravoslavnoy tserkvi [Anna Ioannovna's Government and its Attitude towards Orthodox Church's affairs]. Vil'na, 1905. 466 p.
25. Guseva A.A. Svod russkikh knig kirillovskoy pečhati XVIII veka tipografii Moskvy i Sankt-Peterburga i universal'naya metodika ikh identifikatsii [Collection of 18th Century Russian Cyrillic Books, Printed in Moscow and Saint-Petersburg, and Universal Method of Their Identification]. Moscow, 2010. 1253 p.
26. Ramazanova D.N. Rukopisnaya i pečatnaya kniga v uchebnoy praktike Slavyano-greko-latinskoy Akademii v kontse XVII veka [Handwritten and printed book in educational practice of Slavonic-Greek-Latin Academy at the end of 17th century]. "V Rossii nado zhit' po knige". Nachal'noe obucheniye chteniyyu i pis'mu: stanovleniye uchebnoy knigi v XVI—XIX vv. Moscow, 2015, pp. 42-52.
27. Grigor'eva I.L., Salonikov N.V. Uchebnaya literatura iz fonda rukopisey biblioteki Novgorodskoy dukhovnoy seminarii [Textbooks in the Collection of Manuscripts of the Novgorod Ecclesiastical Seminary's Library]. Vestnik of NovSU, 2006, no. 36, pp. 23-27.
28. Malitskiy N.V. Istoriya Suzdal'skoy dukhovnoy seminarii (1723—1788 gg.). [History of Suzdal' Ecclesiastical Seminary (1723—1788)]. Vladimir, 1905. 221 p.
29. Nikol'skiy P. Istoriya Voronezhskoy seminarii. Chast' pervaya [History of Voronezh seminary. First part]. Voronezh, 1898. 238 p.
30. RGB. F. 277. D. 12.
31. RGB. F. 277. D. 11.
32. RGB. F. 277. D. 17.

Kislova E.I. Latin language textbooks and their usage in Russian 18th century seminaries. The paper uses archival and published historical sources to study the problem of teaching Latin in 18th century Russian seminaries. The courses that taught Latin to the "Great Russian" students were based on the programs of the Kyiv-Mohyla Academy, which themselves were based on the European models of Jesuit colleges. In the post-Petrine Russia setting, these courses were gradually transformed. We study the specifics of seminary education; the types of study books used in teaching ("conversations", dictionaries, exercises, primers and grammar books); and, particularly, the way in which this material was distributed across the learning stages, according to the data we have. These data show that general reliance on grammar and the grammar-based way of teaching in seminaries had a specific nature even in the late 18th century: the grammar-based approach suggested the use of grammar books, but their texts were mainly learned by heart as much as other exemplary Latin texts. Some elements of grammatical analysis, judging by the teacher reports, seems to appear in the last quarter of 18th century and the early 19th century; however, it is not clear whether it could be realized in a seminary setting or remained in the reports alone.

Keywords: Russian of the 18th century, history of education, history of seminaries, Latin in Russia, Grammars.

Сведения об авторе. Екатерина Игоревна Кислова — к. филол. н. (специальность 10.02.01), доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова; ORCID: 0000-0001-7408-2801; e.kislova@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.06.2020. Принята к публикации 01.07.2020.